

СОДЕРЖАНИЕ

Христианское искусство быть любимым: школа Зелинского. Александр Филоненко.....	9
Может ли религиозная философия звучать как поэзия? <i>От составителя</i>	13
Введение автора.....	19
Слово стало плотью	23
Стань тем, кто ты есть	39
Принять дитя.....	51
Правило веры и образ горести.....	73
Родина слова: вера	83
Имя как призвание.....	95
Человек как ответ	105
Вера-вещность-надежда.....	115
Познание Бога и подлинное «я»	127
Гора «я»	143
Бог смотрящий.....	161
Евхаристия памяти.....	177
Что значит «верую»?.....	191
Одиночество и общение.....	203
Творчество — диалог	211
Материнство церкви	223
Искусство быть человеком	235
О совести.....	249

О смерти	259
Чаю воскресения мертвых	267
Православие и свобода.....	275
Вызов знания.....	289
Богословие доверия.....	307

«Антология — книга для чтения... Установка на читателя является краеугольным камнем для ее построения».

Я. Э. Голосовкер

«Такие книги не перелистываются наспех и не читаются на ходу. Даже и внимательное их чтение не может быть длительно. Всякая глава так полна, так значительна, так прожита в опыте, культуре, церкви, что и от тебя, какого бы ты ни был церковного, светского, интеллектуального опыта, требует всей любви, памяти, исповедной открытости, послушания власти Истины и дерзновения в ее взыскании. Как это требует молитвенное правило нашей церкви: „подожди, пока все чувства твои не придут в тишину и мысли твои не оставят все земное“ и тогда и читай „без поспешности, со вниманием сердечным“».

*В. Я. Курбатов. Из предисловия к книге
«Взыскуя Лица Твоего».*

«Читатель, мы дошли с тобой до послесловия, но разве мы закончили эту книгу? Кажется, что мы ее только начали...»

о. Михаил Аксенов-Меерсон. Из послесловия к книге «Взыскуя Лица Твоего».

«Работа, которую вы держите в руках, учит не „смотреть“, а „видеть“, как своего рода „коллирий“, очищающий глаза души, подобный тому, о котором говорит Апокалипсис (3, 18)...»

*Кардинал Джанфранко Равази.
Предисловие к итальянскому изданию
«Взыскуя Лица Твоего» („Rivelami il tuo Volto“).*

ХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО БЫТЬ ЛЮБИМЫМ: ШКОЛА ЗЕЛИНСКОГО

Мы приходим в мир, живем и уходим перед десятками человеческих взглядов. Со взгляда начинается встреча, из встреч сплетаются нити общения, текстура которого составляет ткань жизни. До того, как мы осознаем себя, мы уже живем во взглядах, обращенных на нас с любопытством и равнодушием, нежностью и враждебностью, требовательностью и надеждой. В мире так холодно от взглядов соглядатаев и надсмотрщиков, присматривающих и следящих, состязующихся и завидующих. В материнском и отцовском взглядах так много божественного ДА БУДЕТ, столько нежности и надежды на то, что сбудется судьба. Так редок и желанен взгляд друга, в котором расцветает жизнь. Преодолевая страхи и решая проблемы, мы влечемся к специалистам, экспертам и знатокам, хотя сердце знает, что по-настоящему освобождает только взгляд любящего. Так странно и вдохновляюще, что качество

жизни зависит не только от наших талантов и опыта, но и от того, знаем мы или не знаем, перед чьими взглядами живем. Быть христианином — узнать взгляд Христа, обращенный на мою жизнь, и это узнавание — в самом истоке христианской цивилизации.

В этом уравнении — богословский ключ отца Владимира Зелинского, которым он открывает труднейшие вопросы человеческого существования. Без этого ключа современное православное богословие невозможно. Отец Владимир приглашает нас присмотреться к той точке, без внимания к которой все наши усилия, включая высокие искусства догматики и аскетики, теряют силу. В ней — мандельштамовский «узел жизни, в котором мы узнаны и развязаны для бытия», в ней — самое серьезное требование человеческой жизни: узнать взгляд, перед которым наша жизнь расцветает и сбывается в своем призвании. Взгляд Христа.

В этой небольшой книге отец Владимир собрал букет из самых дорогих своих тем: тайна именованья и Имени Божия, памятование как путь богообщения и богословие детства. Но важнейший ее подарок — в том, что собирает-связывает эти темы, а именно — в искусстве узнавания взгляда. Митрополит Каллист Уэр, цитируя хасидского равви Шломо, подчеркивал, что глубочайший корень зла связан с забвением того, что мы — царские дети. Но

преодолеть такое забвение и вернуть себе царственное достоинство человек может не столько своим усилием, сколько открытием присутствия Отца. Инициатива нашего пробуждения не на нашей стороне, Бог своим присутствием начинает, именует, призывает, выводит из забвения, восстанавливает внутреннего ребенка. Поэтому, прежде нашего молитвенного порыва и морального действия, прежде нашего деяния любви мы должны узнать любящий взгляд Бога. С этого узнавания начинается непростое искусство быть любимыми. Именно в это искусство посвящает нас отец Владимир, в нем мы упражняемся, переходя от одной медитации к другой, его переоткрываем, когда на свет любящего взгляда приподнимаем вместе с автором труднейшие и ранящие вопросы и своей жизни, и той эпохи жестокости, с ее ГУЛАГом и Освенцимом, из которой рождается современное богословие. Еще точнее, современное богословие рождается именно из этого жеста узнавания.

Мысль и вдохновение отца Владимира глубоко укоренены в православном богословии, внимательном к живой встрече со Христом. Среди его учителей не только отцы Церкви, но и отец Александр Мень, и митрополит Антоний Сурожский. В эту традицию он привносит пасхальную радость учеников из Эммауса, которые так много узнали от Христа по дороге из Иерусалима, но Самого Его не узнали, и вдруг за

ВЗГЛЯД. ЗАМЕТИТЬ ХРИСТА В ТВОРЕНИИ

трапезой узнали Самого Христа в госте, разделяющем с ними хлеб. Так и мы сегодня, открывая целые архипелаги христианского знания, томимся по узнаванию взгляда Самого Христа, без которого даже мир самой христианской традиции теряет соль. Книга отца Владимира становится путеводителем тем, для кого знакомо и это томление, и эта нужда в том, чтобы не только открыть христианские ценности, но и узнать Лицо, услышать Имя и пережить прикосновение Любви.

*Александр Филоненко,
доктор философских наук,
профессор Харьковского
национального университета
им. В.Н. Каразина*

МОЖЕТ ЛИ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЗВУЧАТЬ КАК ПОЭЗИЯ?

От составителя

Э тот вопрос мгновенно исчезает, когда прикасаешься к творчеству отца Владимира Зелинского. Вы не встретите здесь привычных рассуждений о Троице, божественных энергиях или составе человеческой души; это скорее богословие, отвечающее внутренним, глубинным запросам человека — его отношениям с Богом, открытию в себе «иного», со-бытию со Христом, ощущению Его присутствия во всем, что тебя окружает.

В одном из интервью он сказал: «Книжные наши лавки переполнены сочинениями, которые, хорошо ли, плохо ли, вращаются вокруг веры, но не заходят внутрь, не прикасаются к сути. От чего, как говорится, „за веру обидно“. Она не сводится ни к догматике, ни к житиям святых, ни к благочестивым советам о посте и молитве. Я попытался построить некую апологетику „в образах“, хотя в этих образах, смею

думать, есть еще и несколько мыслей. Это была попытка построить религиозную философию без тягуче академического стиля религиозной философии».

Составляя антологию этих философских — и, несомненно, богословских — размышлений, я вновь и вновь убеждалась: слово становится более действенным, прорывающимся сквозь скорлупу наших привычных представлений о мире, когда оно поэтически спаяно с образом. Не случайно Иосиф Бродский называл поэзию «колоссальным ускорителем мышления».

Решившись «мыслить в свободе», автор пытается расшифровать и себя, и замысел Самого Творца, даровавшего нам свободу выбирать между обладанием знанием или получением его как дара, как молитвы. В своих книгах со смелостью, свойственным умам неординарным, он обращается к самым больным, узловым проблемам человечества — спору двух вер: Запада и Востока, глобализации, «богословию великодержавности», Холокосту, ГУЛАГу, биоэтике, подходя к любой из этих тем с библейских позиций.

Богословие отца Владимира Зелинского — это богословие вопрошания, вслушивания, всматривания — в себя, в мир, во все, что вызвано к жизни Его словом и потому должно откликаться Его зову.

«Что есть вера? Каков наш ответ на Божью Любовь? Как найти себя подлинного? Почему,

если верую, узнаю в себе грешника?» Множество мучительных вопросов, которыми задается автор, оказываются близки и читателю, хотя они часто затворены в его душе, не выговорены. Однако, попадая в эту высокую мысленную волну, поневоле становишься соучастником писателя в его вопрошании и ожидании ответа, и ответ приходит чаще всего как озарение, как откровение, на которое отзывается наше сердце... Размышления в этой книге менее всего похожи на сухие философские рассуждения, скорее это небольшие стихотворения в прозе, близкие по духу «Одиноким думам» Томаса Мертона, которые распахивают перед тобой мир, полный *узнавания*. Узнавания себя-взрослого, отягощенного своим «я», и себя-ребенка, способного изумляться, играть, быть доверчивым и ранимым. И если покрывало, лежащее на сердце при чтении Писания, снимает Христос (по слову апостола Павла), то и автор в каком-то смысле снимает пелену с наших глаз и приоткрывает тайну присутствия Божия в мире. Этот дар узнавания, это причастие жизни во всех ее смыслах и оттенках, наверное, и есть главное чудо книг отца Владимира Зелинского.

«Взыскупя Лица Его, мы открываем собственное лицо, которое отражается в Нем... Поток, текущий в жизнь вечную, омывает и наше жилище», — пишет он в своей главной, интимной своей книге, приглашая и нас «взыскать»

Лицо Бога, которое отражается в нас. А для этого — хотя бы на время — выйти из зазеркалья «обезбоженного» мира и войти в медитацию, но не в ту, буддистскую, пустоту, а в тишину, исполненную божественным звучанием и смыслом, который нам еще предстоит открыть. Открыть — значит услышать то, первоначальное Слово, что *«ходило в раю под видом Бога и беседовало с Адамом»*.

Апологетика отца Владимира опирается как на богословие Отцов — Максима Исповедника и Григория Богослова, Василия Великого, так и на западных философов — Жана-Поля Сартра и Эриха Фромма, с которыми он словно ведет переключку на разных остановках своего долгого путешествия к Царству; она опирается также на многовековую культурную традицию, по большей части на поэзию — Осипа Мандельштама, Марины Цветаевой, Велемира Хлебникова, — в которой слово преломляется особым образом, высвечивая новые смыслы в уже привычном, обжитом нами мире.

И уж коль скоро мы заговорили о поэтах, то философию отца Владимира вполне можно назвать «поэтической», ибо она стремится не научить, как «следует ортодоксально и твердо верить», но с помощью символов передать реальность, которая бесконечно превосходит человеческую мысль, и пригласить читателя разделить свое восприятие таинства веры.

Дерзну предположить, что, помимо привычных богословских тем, автором затронуты и разработаны еще две — «богословие памяти» и «богословие детства».

К «памяти» у отца Владимира Зелинского особое отношение — как к некоей непреходящей боли, которая словно стучит молоточком, постоянно пробуждая нас и напоминая нам о «памяти Божией».

«Богословие детства» отца Владимира Зелинского возникло по сути из одной-единственной фразы Иисуса: «будьте как дети». Размышляя над ней, автор пришел к мысли, что необходимо пробудить в себе ребенка или хотя бы метафизическую память о нем, ибо только ребенок пребывает по-настоящему в Божьей любви, сохраняя доверчивую память о Рае и обладая особой «мудростью младенчества».

Надеюсь, что читатели антологии, которая состоит из тематических глав-дорожек, найдут и в себе те семена и ростки «изначального благословения, которое скрыто в каждом из нас». И читать ее следует ни в коем случае не как трактат, но по отрывкам, выбранным по желанию, по темам, чтобы потом отложить и задуматься.

В основе антологии — четыре книги автора. Это «Открытие Слова» (Москва, «Путь», 1993), написанное, когда автор еще и не помышлял о священстве; «Наречение имени» — сборник

статей на самые различные темы, от биоэтики до Холокоста, изданный в 2008 году издательством «Дух і літера»; *«Взыскуя Лица Твоего»* (Киев, «Дух і літера», 2007; Тюмень, «Русская Неделя», 2013), или *«Благословение имени»* (СПб., «Алетейя», 2018), которую автор считает самой личной своей книгой, и *«Ребенок на пороге Царства»* (Москва, Общедоступный Православный Университет, основанный прот. Александром Менем, 2012; «Русская Неделя», 2013; последнее издание — «Будьте как дети», «Никея», 2019).

Елена Нигри

ВВЕДЕНИЕ АВТОРА

... **Б**удьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением (1 Пет. 3:15). Или в другом переводе: всякому, кто спросит вас, в чем суть вашей надежды. Но если спросит не сторонний, не всякий, а мы сами себя? С тех пор, как легко, внезапно, без метаний и раздумий, словно сбросив старую кожу, когда пришел ее срок, я ощутил себя христианином, то не переставал допрашивать эту новую для меня идентичность — «быть верующим». Сказать правдиво, хотя и не без торжественности, от которой здесь никуда не деться, после крещения на поиск понимания веры ушла вся жизнь.

Жизнь незаметно подошла к концу, но вопрос не только не исчерпал себя, но ставится заново с каждым возрастом. Речь идет не столько о «горнилах сомнений», и не о догматическом, рациональном уразумении своего исповедания, ибо это скорее дело специалистов, к чему у автора нет особого призвания, сколько о мыслящем удивлении вблизи открывающейся всякий раз

заново тайны Живого Бога. Речь идет о поиске или опыте знака, печати Его присутствия; мы его как-то слышим и откликаемся не только разумом, но и зрением, слухом, дыханием, сердцем, «утробой». Как живое растение пребывает в «диалоге» с солнцем, влагой и воздухом, так и человеческое существо, еще до первого всплеска мысли, обращено к Непостижимому, которое живет и в нас, и вне нас. Существою — значит зову: *Яви нам свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4:7)!

Когда Писание говорит о *лице Божием*, что оно разумеет? Как разглядеть Того, Кто незрим, неведом, немислим? Но это невидимое-немислимое предстает нам родным, более близким, чем мы сами себе. Его Лицо запечатлено не столько в семейных традициях или в извилистой логике, достающей до Бога и принуждающей Его быть таким, каким мы Его определяем, сколько в настойчивых свидетельствах Его бытия, исходящих из глубины человека. Потому что — и в этом я убежден — малое, невидимое зерно Божие вложено в нас еще до рождения. И у нас есть призвание дать этому зерну подняться, «принести много плода». Плода благодарности, молитвы, удрочения совести, — но и покаянного страха перед Ним вплоть до невозможности быть рядом, того ощущения, которое заставило Петра сказать: *выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный* (Лк. 5:8). Но Он не уходит, Он остается с нами.

В ответ на Его дар бытия-для-нас мы обращаемся, приносим наше обращение бытия-к-Нему. Оно начинается со взгляда, обращенного к Лицу, пусть пока неведомому. Потом взгляд перерастает в размышление, а размышление — в дознание. Вглядываясь в Него, мы узнаём и себя. Чем глубже вглядываемся, тем больше узнаём.

Я изъясняюсь со слушателями, в которых предполагаю найти друзей, фрагментами, импульсами мыслей, следуя по сполохам догадок, чтобы не тратить времени на связки, каждому оставляя свободу сложить их вместе по своему разуму и усмотрению. Не потому, что это невозможно сложить, вырастить из всех этих едва пробившихся ростков устойчивое дерево трактата, где одна и та же стройная мысль бежит по стволу от корней до листьев, скликая их в единство. В этой книжице ни собственного ствола, который всё держит и в себе несет, ни добротных, освященных традицией корней, которые всё бы собой держали, честно сказать, нет. И потому я отказываюсь от соблазна системы, в том числе и той, которая могла бы притязать называться «богословием детства».

В этой книге не излагается какое-то «учение», опирающееся на авторитеты, не предлагается нечто назидательное под видом нравоучительных историй. Здесь нельзя будет найти крупиц душеполезной мудрости

ВЗГЛЯД. ЗАМЕТИТЬ ХРИСТА В ТВОРЕНИИ

и ни капли социальной озабоченности, как и церковной проблематики; все это в данном случае придется отложить в сторону. Не выстраивается здесь и надежное, догматическое знание о религии, уложенное в общепонятные формулы. Но почему бы не попробовать проследить за первоначальным взглядом веры, за детским ее изумлением? Из него пробивается тот поток открытий, догадок, исповеданий или «отчетов» мысли, которые рождаются в ответ на призыв Петра.

СЛОВО СТАЛО ПЛОТЬЮ

*Некогда в дальней стране Бог открыл
глаза и посмотрел на мир Божий
глазами Ребенка. И вслед за Ним все
Его создания начали открывать
глаза и обретать зрение, возвращаясь
к первоначальному изумлению.*

ПАСХА-ПЕСАХ

Каждый, кто побывал на Святой Земле, мог видеть в Назарете немногие сохранившиеся еврейские жилища времен Иисуса. Загон для скота, рядом комната с земляным полом, единственная для всего семейства, две-три лежанки, очаг, чаша для умовения, стол, за которым отец семейства произносил молитвы.

«Благословен Ты, Господь Бог наш, сотворивший плод земли...»

«Благословен Ты, Господь Бог наш, Который избрал нас из всех народов и возвысил нас над всеми языками и освятил нас заповедями Своими...»

«Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной, Бог Отец наш...»

Малыш, *имеющий уши*, вслушивался не только в звучание, но и в праздничную силу и звенящее эхо этих слов. Их сила и глубина оживали в Нем, вбирали в себе эти благословения и откликались им. Как и все отроки в Израиле, Он ждал с нетерпением пасхальной ночи, когда Иосиф на Его вопрос, вопрос младшего сына (у Марии Единственного): «Чем эта ночь

отличается от всех остальных?» — отвечал литургической формулой, полной торжества и ликования о Господе, однажды и навеки освободившем Израиль от горьких египетских работ...

«В тот день ты скажешь сыну твоему: Господь совершил это для меня, когда я вышел из Египта».

БЕЗДНА ИМЕН

В ту ночь Ему всякий раз казалось, пусть на какое-то ошеломительное мгновение, что избавление Божие, начавшееся в неисследимом прошлом и уже теряющееся в нем, произошло именно с Ними: Иосифом, Марией, самим Иешуа. словно сегодня, сейчас, когда звезды заняли свои гнездовья на небе, Превечный, сойдя с высоты, вывел их из рабства *рукою крепкою и мьшцей простертою*. Кому не исполнилось еще и пяти, непривычно думать о Запредельном, Кого никто не вправе изобразить на доске или в камне. Но и в малых Своих годах Он твердо знал, что Господь — имя Ему; да не будет оно произнесено напрасно. Но за тем непронизносимым именем открывалась живая даль, населенная множеством сказаний, произносимых с «истаевающим» сердцем, с гордостью, страхом, хвалой...

За всяким благословением жило Событие, обладавшее своим, пусть еще не до конца

ясным, образом и словом. Творение, Призвание Авраама, Избрание, Исход, Завет, Вождение по пустыне, Шехина-слава, Гнев, Обетование, *да святится имя Твое*. У Него было еще множество иных священных имен, не менее крепких, благословенных, таинственных: Свет, повелевший свету быть, Создавший Адама по образу Своему, Святой Иакова, Простерший лестницу Ангелов, Даровавший Субботу, Воспетый Давидом, Обитающий в Храме, Избравший Иерусалим городом Великого Царя... Все это исходило от Незримого, сказавшего о Себе на вопрос об имени: *Я есмь Тот, Кто есть...* И никакая душа живая не могла приблизиться к этому *Я есмь*, но могла жить во свете и правде Его, возлюбив заповеди Его, приняв милующую и карающую мышцу Закона...

ВОЙТИ В ДОМ, ВОЙТИ ВО ВРЕМЯ

Любовь Божия становилась праздником в эту ночь. И тем она отличалась от всех других ночей, что Создавший твердь посреди воды, Заставивший расступиться море и Проведший по нему Израиль как по суху входил, раздвинув ночной полог, под крышу каждого семейства в Израиле. Оно принимало Его под своей крышей с ликующей памятью, заставлявшей содрогнуться утробу всякого израильтянина, бывшего некогда странником в земле Египетской.

Словно Исход продолжался, праздник открывал его неиссякаемость, его одновременность с текущей пасхальной ночью, его сопричастность всякой семье, собравшейся за столом для благодарения. Милость Господня становилась столь близкой, что, казалось, *Видящий бездны, восседающий на Херувимах* (Дан. 3:54), запросто посещал дом Иосифа, садился за стол рядом с Матерью, так что Отрок мог почти видеть Его лицо, и душа Его томилась от радости. *Истомились очи мои в ожидании обещанного Тобой* (Пс. 118:82).

Мог ли подумать Иешуа, не говоря о том, чтобы передать другим, что Господь исполняет Свое обещание здесь и сейчас? Что, выйдя из Своего «далека», Он вошел во время, остановившееся под этой крышей? Что Слово Божие, через которое все, что есть, вступило в бытие, вскоре заговорит — и уже говорит — Его, Иешуа, устами? Что *Ветхий днями* (Дан. 7:9) воспринял человеческий удел в Нем, пятилетнем сыне Марии, *и, как думали, Иосифа* (Лк. 3:23)? Теперь Он должен будет поднимать голову, чтобы взглянуть на солнце, на грозу, на жуков, роящихся в воздухе в вечерний час. Художник, словом создавший Египет, как и все народы и земли, Голос, позвавший Израиль, Слава пасхального торжества, о которой через века запоют:

«Грядите людие, поим песнь Христу Богу, раздельшему море, и наставльшему люди, яже

изведе из работы египетския, яко прославися» (ирмос Канона ко Святому Причащению, глас 2, песнь 1).

ВРЕМЯ КАК ТВАРЬ

Бог, став Человеком, соединился и с теми «вещами» человеческой жизни, которые облечены веществом временности. Он подчинился им, соединился с ними, оставаясь их Господом. Назовем эту временность тварью, может быть, даже упрямой тварью. В эпоху творения мира бывшая одной из Его овец, она стала теперь Его ярмом, пастырем, хозяином, спутником, другом и, в конце концов, судьей, палачом.

МЕСТО ПОСЕЩЕНИЯ СЛОВА

Каждое творение, и прежде всего творение-человек, предназначено быть местом посещения Слова, которое *уничижает себя*, разделяя условия всякой телесной преходящести. Оно *принимает образ раба*, чтобы все, что существует и рабствует времени, обратиться к вечности, вернуться Себе. Однако здесь, *в мире сем*, где человек создан как место длящегося посещения, он остается — помыслить странно — временным господином дома, куда приходит Господь. Бог говорит с ним испытаниями или *воздыханиями неизреченными*, но всякий ветхий Адам

свободен открыть или замуровать двери и окна этого дома. Имеющий глаза видит, как Бог проявляет Себя в плоти мгновений, в языке образов, потребности очищения, неожиданности красоты, в посланиях повседневных встреч...

ИКОНОСТАС

Согласно древнейшему преданию, Христос был распят на том месте, где был погребен Адам. И когда накануне распятия Он пребывал поблизости от этого места, то заплакал об Иерусалиме, потому что тот *не узнал времени посещения* (Лк. 19:44). Его плач был о всех бывших с Ним и о нас, ныне живущих. Ибо время, данное нам на земле, — это время Его присутствия рядом с нами. Мы — лишь временные управители отпущенного нам срока. Лишь изредка мы признаём, что наше существование — не безраздельно наше, но также и Его в нас. Кажется, что Хозяин ушел, мы вправе делать, что хотим, топить жизнь в ничто, чтобы затем называть это ничто, одетое нашими днями, мошенником и убийцей. Но из данного нам срока можно сотворить пространство для встречи лицом к Лицу, в час Его посещения, час, который раскрывается в вечности. Из крупиц времени в наших ладонях мы можем создать образ пребывания Его с нами. Один образ, другой, да их, по правде говоря, тысячи...